

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Николаев И.В. Семантическое поле концепта «суверенитет» в дискурсе президента РФ в контексте международной напряженности (2022–2023 гг.) // Конфликтология / nota bene. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.1.73241 EDN: YYWIFI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73241

Семантическое поле концепта «суверенитет» в дискурсе президента РФ в контексте международной напряженности (2022–2023 гг.)

Николаев Илья Викторович

старший преподаватель; кафедра зарубежной истории и международных отношений; Южный федеральный университет

344082, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 213

✉ nikolaev_polit@mail.ru

[Статья из рубрики "Идеологическое противостояние и война в сфере смыслов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.1.73241

EDN:

YYWIFI

Дата направления статьи в редакцию:

03-02-2025

Аннотация: В статье выдвигается предположение о трансформации дискурсивных практик государственной власти России после начала специальной военной операции на Украине. Актуализации был подвергнут концепт "суверенитет", который стал наиболее употребляемым идеологическим термином в официальном дискурсе государственной власти. Исследование преследует цель выявить границы семантического поля концепта "суверенитет" в дискурсе президента Российской Федерации В.В. Путина, тексты которого являются квинтэссенцией официального дискурса государственной власти. Объектом исследования выступает семантическое поле концепта "суверенитет" в дискурсе президента РФ. Предметом исследования являются контекстуальные и предикативные характеристики указанного концепта. В качестве эмпирической базы исследования используются публичные речи и выступления В.В. Путина, упоминающие концепт "суверенитет", осуществленные в период с 21 февраля 2022 г. (признание ДНР, ЛНР) по 8 декабря 2023 г. (начало президентской предвыборной кампании). Методологической основой исследования выступает когнитивно-дискурсивный подход,

развиваемый в трудах отечественных исследователей С.П. Поцелуева, М.С. Константинова и др. Метод исследования – качественный направленный контент-анализ, включающий в себя исследования контекстов и предикатов концепта "суверенитет". Основным выводом исследования является обоснование ядерного статуса концепта "суверенитет" для идеологического конструкта президента. Вербальный символ в дискурсе В.В. Путина выступает пустым знаком, наполняемым содержанием в зависимости от потребностей ситуации. Фрагментация семантического поля с помощью присвоения предикатов привела к возникновению видовых понятий, классифицированных по ряду оснований: по сфере реализации (технологический, ценностный, культурный и т.п.), по субъекту-носителю (государственный, национальный), по полноте реализации (полный, частичный, фрагментарный и т.п.). Отмечается потенциал расширения семантического поля при задействовании иных предикатов концепта "суверенитет". Новизна результатов исследования заключается в использовании семиотических инструментов в комплексном анализе семантического поля концепта "суверенитет" в дискурсе президента России В.В. Путина.

Ключевые слова:

суверенитет, вербальный символ, концепт, официальный политический дискурс, президент России, семантика, контекст, предикат, символическая политика, независимость

Начало специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. стало рубежным моментом для трансформации российской внешнеполитической стратегии и переориентации ее на построение суверенитета на принципах национального самоопределения, собственной модели демократии, антиглобализма и антигегемонизма. Путь переосмыслиния, начавшийся еще в середине 2000-х гг., после неудачных попыток предотвращения расширения НАТО в Восточной Европе, «цветных» революций в странах постсоветского пространства, не мог обойтись без использования и актуализации концепта «суверенитет», который логично вписывается в повестку дня российских элит.

Гипотетически следует предположить, что потребности идеологической поддержки СВО и обеспечения легитимизации предпринятого решения должны дать импульс переозначивания и новой концептуализации вербального символа «суверенитет» в официальном дискурсе российской власти. В рамках исследования была предпринята попытка определить семантические контуры современного понимания суверенитета, транслируемые в официальном дискурсе российской власти.

Метод и материал

Суверенитет как категория политической науки имеет сложное и многогранное семантическое поле, восходящее к эпохе Средневековья и периоду становления особого тезауруса политической философии на рубеже Нового времени. Классическая концепция суверенитета – это обоснование властного доминирующего полномочия правителя в условиях секуляризации общества [20, с. 6]. Ранние формы политической легитимации, основанные на экспликации иерархии «града Божьего» на общественные отношения «града земного» [3], прекращают быть эффективными и требуют изменения в соответствии с меняющимся в сторону светскости общественным сознанием. Сувереном в истории политической мысли последовательно были монархи, государства, нации, народы и другие более экзотические политические субъекты.

В российском политическом дискурсе концепт «суверенитет» не имеет исторически укорененной практики использования. В России на смену периоду существования схожих с феодальными отношений пришла эпоха прямой созависимости человека и государства в лице персонифицированного правителя. Как отмечает О. А. Скоропудова, даже к XIX в. в российской интеллектуальной традиции не сложилась практика употребления концепта «суверенитет»: его смысловое наполнение замещалось представлениями «о независимости, самобытности, свободе, согласии, безопасности, культурной и экономической самостоятельности, самодержавии и православии» [21, с. 115]. Концепт «суверенитет», так же как «суверен», принял в российском политическом пространстве форму иноязычного научного термина, переосмыслиенного дважды: в теории права, а позже — в политологии; и в реальном политическом дискурсе.

Чужеродность концепта «суверенитет» для российского общества привела одновременно и к его насыщению высоко абстрактным философским смыслом, и к пустоте семантического поля, которое обусловлено фактом отсутствия конкретного референта этого понятия в виде типа общественных отношений, закрепленного в институциональной форме. Состояние пустого знака, как его понимают Э. Лаклау и Ш. Муфф [23, р. 96], обретенное концептом «суверенитет» в современном российском политическом дискурсе, предопределило борьбу за него разных идеологических дискурсов с целью получить гегемонию над означиванием знака. Эти процессы наложились на общемировой кризис интерпретации концепта «суверенитет» на фоне экономической глобализации, правового и политического универсализма, многочисленных актов, нарушающих привычные рамки понятия (объявление независимости Косово, юрисдикция США в Гуантанамо, фактическая независимость Тайваня и т.п.) [22, с. 234]. Дополнительную сложность для целостности концепта создает переход российского общества наряду с другими ведущими державами к сетевому состоянию, в котором невозможно точно определить единого субъекта принятия решений [8, с. 98].

С опорой на когнитивно-дискурсивный подход [5, с. 23–52] в этом исследовании концепт «суверенитет» в дискурсе российской власти рассматривается как вербальный политический символ, используемый в конъюнктурных целях политическими субъектами в том семиотическом статусе, который необходим для продвижения политической позиции, решений, лидеров и т.п. Для достижения исследовательской цели — выявления границ семантического поля концепта, был использован метод направленного качественного контент-анализа публичных речей и выступлений президента, озвученных в период с 21 февраля 2022 г. до 8 декабря 2023 г. Тексты президента являются квинтэссенцией официального дискурса государственной власти. Нижняя хронологическая граница совпадает с датой признания независимости ДНР и ЛНР, вследствие которого была предпринята специальная военная операция. Верхняя граница исследуемого периода связана с фактическим стартом предвыборной кампании В. В. Путина накануне президентских выборов 2024 г., что временно изменило дискурсивную политику и могло отразиться на результатах анализа семантики «суверенитета».

Результаты исследования

Контекстуальный анализ

Первый этап исследования заключался в анализе контекстуального поля упоминаний вербального символа «суверенитет», задачей которого являлось определение всего комплекса смыслов и коннотаций, вовлекаемых в конструирование семантического поля. Эта исследовательская практика выявила несколько направлений семантического

наполнения концепта «суверенитет» в дискурсе президента РФ. В частности, мы выделили направления, определяющие 1) концептуальные границы на уровне теории, 2) внутренние черты, 3) внешние черты, 4) экономическое содержание суверенитета. Охарактеризуем каждое направление подробнее.

1. Речевая деятельность президента в течение полутора лет после начала СВО была направлена не только на наполнение понятия «суверенитет» конкретно-историческим смыслом, но и на теоретическое осмысление этого феномена. Важно напомнить наш предварительный тезис об отсутствии укоренной практики применения концепта в российском политическом поле. Этот факт актуализирует теоретические замечания президента, необходимые для заполнения лакуны.

Основополагающим утверждением в официальном дискурсе становится идея о непосредственной связи суверенитета государства и концепции многополярности. Именно в контексте последней президент предпринимает попытки выстроить теоретическую модель суверенитета. Ее общая архитектура может быть выражена в двух высказываниях:

- «наша страна выступает за реализацию на практике основополагающего международно-правового принципа суверенного равенства государств и права каждого на собственную модель развития» [\[15\]](#);
- «только суверенные страны могут рассчитывать на суверенное будущее» [\[14\]](#).

Под суверенитетом в контексте формирующегося многополярного мира понимается, с одной стороны, право и возможность национального сообщества самостоятельно конструировать собственную модель политической системы на условиях невмешательства внешних сил и отсутствия навязанной модели; с другой стороны — экзистенциальное условие существования этой политической системы. Таким образом, суверенитет есть и процесс, и результат одновременно.

В дискурсе президента в начале исследуемого периода отрицается структурное разнообразие феномена суверенитета: «Суверенитет в XXI веке, — говорит В. В. Путин, — не может быть частичным, фрагментарным» [\[14\]](#). Однако уже в более позднем выступлении на высоком собрании Совета законодателей (28 апреля 2023 г.) структура суверенитета описывается в следующих формулировках: «Для укрепления её [России — прим. И. Н.] суверенитета во всех составляющих: в политике и экономике, науке и технологиях, образовании и культуре — с опорой прежде всего на внутренние ресурсы, естественные преимущества, мощнейший созидательный потенциал нашего многонационального народа» [\[9\]](#). В этой же цитате мы наблюдаем и попытку определить источники суверенитета, т.е. потенциал, способствующий независимости государства, однако выстроить их в типологический ряд не представляется возможным ввиду отсутствия общего основания: обобщенные «внутренние ресурсы» соседствуют с операционализируемыми природными факторами и человеческим капиталом.

2. Внутренние факторы, следуя логике, предложенной президентом во время заседания Совета законодателей, являются приоритетными в процессе достижения и обеспечения суверенитета государства несмотря на то, что количественно упоминания суверенитета в контексте внутренних политических процессов уступает упоминаниям внешнеполитических аспектов (23 против 62 в абсолютных показателях). Внутренний суверенитет, в понимании Е. А. Алексеенковой, «гарантирует наличие стабильно функционирующей политической системы и легитимной власти, способной защитить

территорию государства и его национальные интересы» [\[1, с. 105\]](#). Суверенитет государства в процессе принятия решений является одним из аспектов внутриполитического направления семиозиса исследуемого вербального символа. «Решение суверенной страны, у которой есть безусловное право [на обеспечение безопасности — прим. И. Н.]» [\[14\]](#). Отметим, что государство не отделяется в речи президента от народа, это важный аспект означивания, комплиментарный классической концепции суверенитета, в то же время это и инструмент легитимации политических решений в дискурсивной практике современных политических элит. Не менее важными представляются и апелляции к суверенитету в контексте целеполагания и оценки ситуации в стране: «Сегодня нам нужна консолидация всего общества, — утверждает президент на церемонии подписания договоров о вхождении в состав РФ новых регионов 30 сентября 2022 г., — и в основе такой сплочённости может быть только суверенитет, свобода, созидание, справедливость. Наши ценности — это человеколюбие, милосердие и сострадание» [\[12\]](#). Суверенитет в этом контексте соседствует с универсальными этическими духовными ценностями, неизбежно мимикрируя под них в потоке речи. В последствии уже в марте 2023 г. это направление семантизации суверенитета для внутреннего пользования будет концептуализировано в рамках концепта «ценностного суверенитета» [\[10\]](#). Этическая характеристика суверенитета в рамках страны дополняется ссылками к правам и свободам человека: «Суверенитет — это гарантия свободы каждого. И в нашей традиции человек не может чувствовать себя по-настоящему свободным, если не свободен его народ, Отечество, Россия, Родина» [\[11\]](#). Суверенитет определяется как условие консолидации общества, в том числе посредством развития институтов гражданского общества [\[17\]](#), «суверенной системы образования» [\[9\]](#).

Семантическое поле внутреннего суверенитета является только отчасти концептуализированным, т.к. выступает оттеняющим внешнеполитические аспекты феномена. Классическое понимание суверенитета государства внутри страны, выражающееся в доминировании над иными политическими и социальными институтами в процессе выработки и принятия общеобязательных решений, не обнаруживает своего присутствия в дискурсе президента. Взамен внутренние аспекты суверенитета наполнены аллюзиями проявления внешней независимости от вмешательства во внутренние дела страны.

3. Внешнеполитические аспекты суверенитета получили максимально подробное обсуждение в дискурсе президента, однако утверждать наличие стройной концепции не представляется возможным. В условия нового миропорядка, который рассматривается президентом не иначе как многополярный, «только сильные государства и суверенные могут сказать своё слово» [\[14\]](#), более того они будут задавать «правила содержания нового миропорядка» [\[14\]](#). Ключевыми игроками обновленной версии мировой системы политик представляет государства-цивилизации («для России — страны-цивилизации, одного из самобытных, суверенных центров огромного многополярного мира» [\[9\]](#)), которые ввиду собственной исторической и культурной уникальности являются априори настроенными на лидирующие позиции в международных отношениях. При этом необходимым условием для обеспечения независимости и самостоятельности на мировой арене неоднократно в течение всего исследуемого периода отмечается военный потенциал и трансляция военной силы страны. «Современные, эффективные армия и флот — залог безопасности и суверенитета страны» [\[19\]](#).

Обоснованием необходимости суверенитета «от противного» служат ситуации, в рамках которых субъекты международных отношений полностью или частично утрачивают собственный суверенитет под давлением или вследствие прямого вмешательства внешних сил, в первую очередь, представленных мировым гегемоном в лице США и его союзников по НАТО. Так, среди прочего суверенитета лишились Ливия, Украина и Европейский Союз; испытывают угрозу своему суверенитету — Ирак, Сирия, народы Африки, Сербия. Тем не менее, за каждым из указанных субъектов признается стремление обрести истинный суверенитет в том смысле, в каком его понимает президент, а также выражается полная поддержка этих стремлений со стороны официальных властей России. В качестве проявления непосредственных действий «коллективного Запада» по ущемлению суверенных полномочий правительств президент упоминает военные операции, финансовый контроль, «санкционную лихорадку Запада, его неприкрытие, агрессивные попытки навязать другим странам модели поведения» [13]. Продолжая концептуализировать реакцию на последний феномен, В. В. Путин отмечает, что санкции против России продолжают вводить «без всякого формального предлога только потому, что мы есть и никогда не поступимся своим суверенитетом, национальными интересами и своими ценностями» [18]. Западные глобалистские политические элиты таким образом стремятся «переложить собственные провалы на другие страны — на Россию, на Китай, которые отстаивают свою точку зрения, строят суверенную политику развития, не подчиняясь диктату наднациональных элит» [16].

В критике внешнеполитической деятельности стран Запада и их отношений к суверенитету других государств В. В. Путин не скучится на метафорические образы и хлесткие выражения, к примеру: «Запад готов переступить через всё для сохранения той неоколониальной системы, которая позволяет ему паразитировать, по сути, грабить мир за счёт власти доллара и технологического диктата, собирать с человечества настоящую дань, извлекать основной источник незаработанного благополучия, ренту гегемона. Сохранение этой ренты — их ключевой, подлинный и абсолютно корыстный мотив. Вот почему их интересам отвечает тотальная десуверенизация» [12].

Одним из важнейших сюжетов, в контексте которых проявляет себя вербальный символ «суверенитет» во внешнеполитическом аспекте, это безусловно украинский кризис. В этом поле концептуализация символа производится более структурировано: как признанного права и возможности постсоветских стран существовать и развиваться без участия России на основе принципов сотрудничества и добрососедства, а также как объекта, требующего защиты и достижения (о суверенитете РФ, ДНР и ЛНР).

4. Экономические аспекты характеристики суверенитета страны в дискурсе президента занимают значимую роль, однако существенно уступают внешнеполитическим (27 раз против 62 в абсолютных показателях по всему хронологическому периоду). Важнейшими отраслями, в которых официальная позиция власти предлагает выставивать независимую стратегию, является промышленная безопасность, современные технологии производства, социальное обеспечение и подготовка кадрового резерва. В достаточной степени суверенными признаются только национальные «экономики, обладающие полным, а не частичным технологическим, производственным, кадровым, научным потенциалом» [14]. Суверенитет упоминается в речах президента в соседстве с крупнейшими российскими корпорациями: Ростех, Росатом, Газпром, Роскосмос, а также собирательным аграрно-промышленным комплексом. Примечательно, что в дискурсе президента экономический суверенитет обеспечивается (или должен обеспечиваться) высокотехнологическими отраслями, в то время как добывающая промышленность,

которая в 2020-х гг. по-прежнему остается ведущей в структуре ВВП России, упоминается наряду с исследуемым вербальным символом только единожды. Это упоминание касается проблемы рационального природопользования и не затрагивает вопрос роли отрасли в экономической самостоятельности: «Мы делаем ставку на рачительное, по-хозяйски умное освоение природных богатств России на основе самых строгих экологических стандартов. И добываемое сырьё будем прежде всего использовать для глубокого передела внутри страны» [\[13\]](#).

В рамках экономической характеристики феномена суверенитета дискурс президента многократно обращается к внешнеполитическим аспектам. Общий посыл заключен в тезисе, высказанном на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (17 июня 2022 г.): «По-настоящему суверенные государства всегда настроены на равноправное партнёрство, на то, чтобы вносить свой вклад в глобальное развитие» [\[14\]](#). Президент в экономическом контексте возвращает концепт суверенитета в поле международных отношений и взаимного признания экономических субъектов, признавая ценность свободной торговли на взаимовыгодных основаниях вопреки экономическому либеральному порядку, обеспечиваемому военным превосходством западных стран. Последний критикуется за ресурсный, финансовый и логистический шантаж, санкционную политику и дисбаланс в глобальном распределении благ.

Таким образом, контекстуальный анализ упоминаний вербального символа «суверенитет» в дискурсе президента демонстрирует нам значительный крен во внешнеполитические формы семантического наполнения концепта. Внутренний суверенитет в его классической интерпретации главенства института государства в процессе выработки и принятия решений в публичном пространстве страны выступает фоновым, не акцентируется ввиду отсутствия идеологического запроса. В контексте трансформации мирового порядка, в которой Российская Федерация примеряет на себя роль локомотива, политический дискурс переориентирован на внешнеполитическую повестку, что делает внутренний суверенитет данностью, не востребованной для политического позиционирования субъекта власти.

Предикативный анализ

Вторым этапом исследования семантического поля вербального символа «суверенитет» в дискурсе президента стал анализ предикатов, сформулированных в форме прилагательных, сопровождающих упоминание концепта. На этой стадии мы предприняли попытку классифицировать предикаты по ряду оснований.

По сфере реализации в выступлениях президента упоминаются: «цифровой», «культурный», «образовательный», «ценностный», «духовный», «технологический», «экономический», «политический», «кадровый», «научный», «производственный» суверенитеты. Все перечисленные виды встречаются многократно, что свидетельствует о целенаправленном конструировании семантического поля вербального символа. Несмотря на многообразие сфер применения, относящихся к внутренним политическим и социально-экономическим процессам, необходимо отметить, что внешняя характеристика базового концепта во всех лексических конструкциях превалирует. В сущности, под каждым видом суверенитета подразумевается независимость конкретной отрасли от вмешательства факторов и субъектов, лежащих за пределами российского государства. В этом смысле резонно предполагать вторичность приведенных конструкций по отношению к основной задаче использования «суверенитета» — утверждению независимости и самостоятельности России на мировой арене. По отношению к ней

привлечение различных видов суверенитета встраивается в логику причинно-следственных связей: достижение самостоятельности в отдельных отраслях жизни общества является условием для обеспечения суверенитета страны во внешнеполитическом измерении. Так, в частности, «технологический суверенитет», получивший наиболее конструктивный отклик со стороны российского истеблишмента, в дискурсе президента раскрывается поверхностно. Высший руководитель оставляет для себя пространство маневра на фоне дискуссий по поводу двух конкурирующих интерпретаций — вице-премьера А. Р. Белоусова, понимающего технологический суверенитет как паритет с ведущими странами мира, и вице-премьера Д. Н. Чернышенко, видящего в нем обладание критическими технологиями для мировой экономики [\[4, с. 552\]](#).

По субъекту-носителю суверенитет в дискурсе президента представлен в меньшем разнообразии: «государственный», «национальный», что в целом соответствует ранее выдвинутым предположениям о доминировании внешнеполитического контента в семантическом поле концепта. Современные тенденции демонстрируют широкий спектр возможных носителей суверенитета. «Суверенными субъектами, — по утверждению А. К. Камкина и М. И. Сигачева, — могут выступать уже не только нации-государства, но и цивилизации, (нео)империи, регионы, этномиры, большие политические пространства в целом» [\[6, с. 923\]](#). Признание в дискурсе президента за государством высшей степени субъектности в международных отношениях является для российской политической практики естественным, выражаясь в стремлении правительства выстроить систему контроля над иными альтернативными субъектами, будь то крупные экспиртоориентированные корпорации, большинство которых в России имеют значительное присутствие государственного капитала; общественные движения и партии, сохраняющие в стране только отдельные аспекты субъектности; экстремистские группировки, с которыми правительство ведет эффективную борьбу. Государственный суверенитет дополняется «национальным», связывающим феномен с семантическим полем классической концепции «нации-государства», лежащим в основе современного миропорядка. Однако феномен нации в измерении политического дискурса современной России деконструирован с привлечением концепта «цивилизация», неоднократно соседствующего в выступлениях президента с «суверенитетом». Примечательно, что официальный политический дискурс в последние годы утратил сущностную характеристику конституционного строя страны, указывающего на народ как носителя суверенитета. Подобного предиката в исследуемый хронологический период не встречается.

По полноте реализации суверенитета в дискурсе президента присутствуют следующие предикаты: «реальный», «полный», «частичный», «фрагментарный», «подлинный». Они отражают допущение возможности измерения степени суверенности того или иного субъекта. Учитывая то, что В. В. Путин в выступлениях многократно обращается к примерам иных государств и международных организаций, степени суверенности служат для сравнительных целей. Демонстрация негативного сценария в случае невыполнения необходимых действий по обеспечению собственной независимости, является риторическим приемом и реализуется через иллюстрацию ситуаций стран, испытавших воздействие извне как в виде прямого военного вмешательства, так и в виде экономической зависимости. Допустимой для дискурса президента формой российского суверенитета выступают «реальный» / «подлинный», выраженный в транспарентных условиях признания на мировой арене в качестве самодостаточного независимого игрока; «полный», реализуемый во всех сферах существования государства и общества.

Таким образом, анализ предикатов суверенитета в дискурсе президента демонстрирует

множественность видов суверенитета, задействованных в обслуживании ключевого семантического элемента — независимости от вмешательства внешних сил. Субъектность суверенитета поддерживает эту концепцию, признавая в качестве носителя государственно-национацию, основанную на цивилизационной уникальности и особом культурно-историческом предназначении. Для России возможна лишь максимальная степень реализации собственного суверенитета на мировой арене, отклонение от которой выступает экзистенциальной угрозой государственности. В конечном счете, ключевой формой суверенитета страны выступает «стратегический», дающий право и возможность самостоятельно определять путь развития.

Заключение

В публичных текстах президента в период после начала СВО и до начала предвыборной кампании концепт «суверенитет» представлен во фрагментированном виде. Следует рассматривать только дискурс суверенитета, в том смысле, в котором его понимает Н. Д. Арутюнова — как «речь, погруженную в жизнь» [2, с. 136–137]. Использование верbalного символа «суверенитет» представляет собой конкретно-ситуативное переключение модуса на определенную характеристику явления. Этот модус подключается выбором специфического предиката, что позволяет расширять семантическое поле суверенитета бесконечно, превращая его в «пустой знак» политической коммуникации, характерный для текущей ситуации временно-официальной идеологии. Отдельные инвариантные компоненты отсылают кrudиментированным смыслам концепта — «независимости», атрибутированной государству как политическому институту на мировой арене.

Примечательно, что для периода 2016–2021 гг. исследователь Г. В. Коцур отмечает доминирование дискурса безопасности в семантическом поле «суверенитета», признавая при этом его ядерный статус для идеологической конструкции российской власти [7, с. 34]. Наше исследование демонстрирует незначительную трансформацию семантического поля. Безусловно, внешнеполитические коннотации и вопросы безопасности продолжают доминировать в дискурсе президента в 2022–2023 гг., однако очевидна тенденция расширения семантики «суверенитета» за счет внедрения иных предикатов. Фрагментация концепта привела к появлению новых видовых форм, таких как «технологический», «ценностный», «культурный», «стратегический», «полный», «частичный» и т.п. Указанные предикативные характеристики представляют собой интерпретативный репертуар, позволяющий перестраивать семантическое поле концепта в зависимости от конъюнктурных требований ситуации.

Несмотря на технологический характер в дискурсе президента сохраняется инвариантное ядро концепта «суверенитет». Во-первых, он сохраняет свой статус атрибута полноценного государства, способного самостоятельно обеспечивать свои интересы. Во-вторых, суверенитет конституируется как «независимость от...», таким образом, формируется агональный дискурс, в рамках которого всегда присутствует реальная или предполагаемая угроза вмешательства внешних субъектов в суверенные дела России. Учитывая международную обстановку и сохраняющийся уровень конфронтации между нашей страной и «коллективным Западом», подобная коммуникативная стратегия спичрайтеров президента представляется уместной и актуальной.

Библиография

1. Алексеенкова Е. «Восстановленный суверенитет» как основание национальной

- гордости // Международная жизнь. – 2018. – № 7. – С. 98–111.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
3. Блаженный Августин. Творения. – Том 3–4. – СПб.: Алетейя, 1998.
4. Игнатьева О. А., Хомяков Д. О. Дискурс-анализ стратегий обоснования политики технологического суверенитета России // ПОЛИТЭКС. – 2023. – Том 19, № 4. – С. 548–564.
5. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / С. П. Поцелуев, М. С. Константинов, П. Н. Лукичев и др.; отв. ред. С. П. Поцелуев. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. – 396 с.
6. Камкин А. К., Сигачев М. И. Концепты суверенитета и суверенизма в контексте развития этих явлений. На примере российского и европейского кейсов // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6. № 8. – С. 919–929.
7. Коцур Г. В. Деконтестация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза, 2016–2021 гг. // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 4. – С. 23–36.
8. Курочкин А. В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. – С. 95–99.
9. Путин В. В. Выступление на встрече Совета законодателей. 28.04.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71047> (дата обращения: 23.12.2024).
10. Путин В. В. Выступление на открытии Года педагога и наставника, 02.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/70627> (дата обращения: 23.12.2024).
11. Путин В. В. Выступление на торжественном концерте, посвящённом 1160-летию зарождения российской государственности, 21.09.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69397> (дата обращения: 23.12.2024).
12. Путин В. В. Выступление на церемонии подписания договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России, 30.09.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69465> (дата обращения: 23.12.2024).
13. Путин В. В. Выступление Президента на пленарном заседании Восточного экономического форума, 07.09.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69299> (дата обращения: 23.12.2024).
14. Путин В. В. Выступление Президента РФ на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, 17.06.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68669> (дата обращения: 23.12.2024).
15. Путин В. В. Обращение к участникам X Петербургского международного юридического форума, 30.06.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68785> (дата обращения: 23.12.2024).
16. Путин В. В. Обращение к участникам и гостям X Московской конференции по международной безопасности, 16.08.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69166> (дата обращения: 23.12.2024).

17. Путин В. В. Обращение Президента к участникам фестиваля «Большая перемена», 01.06.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68541> (дата обращения: 23.12.2024).
18. Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации, 21.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67828> (дата обращения: 23.12.2024).
19. Путин В. В. Поздравление по случаю Дня защитника Отечества, 23.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/70575> (дата обращения: 23.12.2024).
20. Сергунин А. А. Суверенитет: история концепта // ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6. – № 4. – С. 5–21.
21. Сорокопудова О. Е. Аксиологические ориентиры российской цивилизации: концепт «суверенитет» в идеально-политическом дискурсе XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2023. – Т. 1. № 5. – С. 97–120.
22. Шестопал С. С., Турянская Е. С. Классические и постклассические интерпретации государственного суверенитета: традиции vs современный политико-правовой дискурс // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. № 3(28). – С. 231–235.
23. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию семантического поля концепта «суверенитет» в дискурсе президента РФ в контексте международной напряженности в период 2022-2023 гг.

Методология исследования базируется на использовании метода направленного качественного контент-анализа публичных речей и выступлений президента, озвученных в период с 21 февраля 2022 г. до 8 декабря 2023 г.

Актуальность работы авторы связывают с трансформацией российской внешнеполитической стратегии и переориентацией ее на построение суверенитета, с тем что концепт «суверенитет» логично вписывается в повестку дня современных российских элит, в связи с чем необходимо определить семантические контуры современного понимания суверенитета, транслируемые в официальном дискурсе российской власти.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, состоит в выводах о сохранении инвариантного ядра концепта «суверенитет» и статуса атрибута полноценного государства, способного самостоятельно обеспечивать свои интересы, интерпретацией как «независимость от...» с присутствием реальной или предполагаемой угрозы вмешательства внешних субъектов в суверенные дела России. По мнению авторов, с учетом международной обстановки и сохраняющегося уровня конфронтации между нашей страной и «коллективным Западом» подобная коммуникативная стратегия спичрайтеров президента представляется уместной и актуальной.

Структурно в работе выделены следующие разделы и подразделы: Метод и материал, Результаты исследования, Контекстуальный анализ, Предикативный анализ, Заключение и Библиография.

В публикации отмечено, что в российском политическом дискурсе концепт «суверенитет» не имеет исторически укорененной практики использования; освещены исторические

асpekты употребления этого и схожих терминов в нашей стране. По мнению авторов, чужеродность концепта «суверенитет» для российского общества привела к его насыщению высоко абстрактным философским смыслом и к пустоте семантического поля в связи с отсутствием конкретного референта этого понятия в виде типа общественных отношений, закрепленного в институциональной форме. В рецензируемом исследовании концепт «суверенитет» рассматривается как вербальный политический символ, используемый в конъюнктурных целях политическими субъектами в том семиотическом статусе, который необходим для продвижения политической позиции, решений, лидеров. Библиографический список включает 23 источника – тексты выступлений Президента Российской Федерации, публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и английском языках по рассматриваемой теме. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

В качестве замечания следует отметить, что начальная вводная часть публикации почему-то не озаглавлена как «Введение».

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Конфликтология / *nota bene*», отражает результаты проведенного авторского исследования, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после устранения отмеченного недочета в рабочем порядке.